

ГАЛИНА РОМАНОВА

ИСПОВЕДЬ ОБМАНУТОЙ ЖЕНЫ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Исповедь обманутой жены

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Исповедь обманутой жены / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2019 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

Все на свете лгут – считала Валерия. И причем не безосновательно. Ее предала лучшая подруга, долгое время обманывал муж Игорь. А она, глупая, продолжала им верить и надеяться, что это она все неправильно поняла. Пока, как в плохом анекдоте, не застала благоверного в постели с другой. Но даже после развода жизнь ее ничему не научила. Игорь снова обманул ее, лишил единственной жилплощади – комнаты в коммуналке, и если Лера не предпримет никаких мер, она останется на улице. Но бывший муж неожиданно исчез, а в его смерти обвинили неудачницу Леру.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Романова

Исповедь обманутой жены

© Романова Г.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

Все лгут! Почти все! Кто по мелочам дома, кто по-крупному с высоких трибун. Кто редко, кто каждый день. Но все, буквально все лгут. Ими считалось, что постоянное искажение действительности делает жизнь проще, оно раскрашивает ежедневные будни яркими красками, оно позволяет удерживаться на плаву. Делает соломинку, не позволяющую утонуть, размером с бревно. Но...

Но это же иллюзия! Это ведь тоже обман. Добровольный, ежедневный, скверный. И когда обман устанет играть им в помощь, наступит непременно отрезвление. За этим последует пустота, боль, одиночество.

Так она думала, разбирая на фрагменты свою семейную жизнь с Игорем. И даже жалела его – несчастного. Что-то с ним станет, когда она от него уйдет после того, как его ложь перестала быть ложью? Выкарабкается ли? Оправится ли от потрясения? Сможет ли существовать без нее, выдержит ли испытание одиночеством?

Господи! Какая же она дура! Дура, не желающая принимать условия жизни такими, какие она диктует. А если не приняла, будь смята – конец цитаты.

Это Игорек высказался на прощание. И, сволочь такая, так оказался прав. Ее и в самом деле так подмяло! Так распластало, а потом скомкало! Что лучше бы она была гадиной, лживой, подлой, двуличной, продажной, чем той, какой она была.

– Овца, – прошептала Лера и трижды стукнулась лбом о стену, возле которой застыла. – Ты овца!

Это тоже было частью цитаты. Игорек много разных слов наговорил в ее адрес, когда она съезжала.

– Жила бы себе и жила рядышком с мужем, – поучал он, безучастно наблюдая за ее сборами. – Какая-никакая, а защита.

Утверждение было весьма спорным. Защищенной рядом с ним Валерия никогда себя не чувствовала. Но сочла за благо промолчать. Хотя и могла возразить.

Она часто оставалась одна в выходные и праздники. Игорек утверждал, что работает. Вечерами ее никто и никогда не забирал с работы. И пока у нее не было машины, приходилось торчать на остановках общественного транспорта. Мерзнуть, мокнуть под дождем, изнывать от летнего зноя. С покупкой личного автомобиля, на которую, к слову, Игорек не добавил ни рубля, все эти неудобства отступили. Осталось главное – одиночество. И какая же тут защищенность?

– У тебя был статус замужней дамы. А сейчас ты кто? Разведенка! Очень неприличное слово. Очень! Хорошо еще, что не с ребенком на руках.

От ребенка Игорек ее заставил избавиться еще на первом году их совместной жизни. Говорил, что они еще успеют.

Не успели...

Его чудовищный уродливый обман вскрылся неожиданно – ей пришлось заехать домой за забытыми служебными документами, а в ее кровати другая женщина. Впрочем, как уверяла ее подруга, так всегда и происходит с обманутыми верными женами. Все происходит для них внезапно, неожиданно, как гром среди ясного неба. Они же, со слов подруги, никакой симптоматики замечать не желают. Они – верные жены – думают, что у них все замечательно. И верят любому вранью. Их убаюкивают изысканной ложью день за днем. Им ласково дуют в уши, усыпляя бдительность. Оттого пробуждение и бывает таким болезненным.

– Ты знаешь, дорогая моя, врут тем, кто жаждет быть обманутым, – морщила лицо, как от зубной боли, ее любимая подруга Саша. – Тем, кто не желает знать правду.

– А другим, можно подумать, не врут, – пыталась Валерия возразить.

– Тоже врут, – вздыхала Саша, соглашаясь. – Но делать это бывает сложнее. Велик риск попасться. Это нервирует. И сам факт обмана, запрета, перестает быть сладостным. Я знаю, что говорю. Я через это прошла.

Саша, да, она знала, что говорит. Она едва не потеряла своего мужа из-за его новой молодой коллеги, вознамерившейся нацелиться на симпатичного начальника отдела. Битва была не на жизнь, а на смерть. Саша едва отстояла Алекса.

Но едва не считается. Не потеряла же. Семья цела. И квартиру никто не делил. И дачу. И сбережения. Все не так, как вышло у нее – у Валерии. У нее как раз все и поделилось. В результате из совместно нажитой двухкомнатной квартиры она съехала в коммуналку. Дача досталась Игорю, потому что каким-то образом оказалась оформленной на его тетку. А выделенной ей части сбережений хватило лишь на переезд.

Все было нечестно. Но биться за метры и рубли, барахтаясь еще в одной зловонной луже из вранья и подлости, она не пожелала.

– Дура ты, Лера. Ох и дура, – вздыхала Саша, помогая расставлять по полкам ее библиотеку. – Хорошо еще, что комната тебе досталась замечательная. Просторная. Окно большое, балкон огромный, вид на набережную. А если бы клоповник какой-нибудь, что тогда?

Клоповник ей не достался. Это было уже хорошо.

Каким-то чудом ее Игорю удалось оформить странный двойной обмен, результатом которого он так и остался жить в их двухкомнатной квартире, а она переехала в «сталинку» на проспекте. Квартира состояла из двух комнат. Одна была пока заперта. Лера не знала, кто там живет. Вторая комната почти в тридцать квадратов досталась ей. Еще имелась огромная прихожая. Большущая кухня. Туалет и ванная. Все содержалось в относительном порядке. И никакой переделки общественные точки не требовали. А в ее комнате они с Сашкой тут же затеяли ремонт. Активно помогал Сашин муж. Он все еще чувствовал себя виноватым, что едва не оступился, едва не изменил своей жене. И поэтому готов был служить верой и правдой.

Так вот, в три пары рук, они из ее тридцатиметровой комнаты соорудили и гостиную, и спальню, разместив ее под потолком, благо до него от пола было почти четыре метра.

Вышло бюджетно, но стильно, чисто, уютно.

– Обживайся теперь, Лерусик, – целовала ее на новоселье Сашка. – И будь уже, наконец, счастлива!

– Да... Знать бы еще, что для этого нужно, – вздыхала она в ответ.

– Для этого просто не надо быть душой. И все!

– А как? – тарасила Лера на подругу хмельные глаза.

– Не позволяй себя обманывать, – учила Саша. – Не верь людям.

– И тебе тоже?

– И мне... Может быть, и мне...

Не верить Сашке Лера не могла. Она ее любила. И даже думать не хотела, что та ее способна обмануть.

А она оказалась способна! И как! И еще как!

– Саша, ты?! Это ты?!

Встреча была случайной. Они не должны были встретиться именно в этом месте именно в это время. Валерия совсем не собиралась за город в выходные. Коллеги соблазнили выступлением ее любимого певца, смешными ценами за проживание и питание. И еще очень не хотелось в выходные торчать в комнате в одиночестве. И она, выкупив путевку, поехала.

И тем же вечером в ресторане, где выступал ее любимый певец, она встретила любимую подругу Сашу.

С любовником!

– Как же так, Саша?

Лере было так обидно, так горько от Сашкиного обмана, что она даже расплакалась.

– Ну, ты чего, дуреха? – попыталась та ее утешить. – Так расстраиваешься, будто я тебе изменила.

– Почти, – всхлипывала Лера. – Как же так можно, Саша?! Ты шпионила за Алексом. Ты превратила его жизнь в кошмар, отслеживая его звонки, сообщения. Ты растоптала девушку, с которой он даже не переспал. Которая просто на него глаз положила. А сама...

– Ох, Лерка, ну какая же ты все-таки дурочка, – неуверенно улыбнулась подруга и погладила Леру по щеке. – Ты что, правда поверила, что он с ней не спал?

– А разве?..

– Да, милая. Да. Сто раз да. И еще как да. Я выследила их на съемной квартире. Устроила сцену. Алекс в ногах валялся. Просил не рушить все. Тебя в пример приводил.

– А я что?

– Вот, мол, твоя подруга пошла до конца, и что получилось.

– А что получилось?

У Леры гудело в голове от громкой музыки оркестра. От потока грязной информации. От противных Сашкиных откровений.

– Получилось то, что ты кругом проиграла, Лерка. – Саша обняла ее, погладила по голове. – Учит тебя жизнь, учит.

– погоди. погоди, Шурочка. Ты его простила? Алекса?

– Еще чего! – фыркнула со злостью Саша. – Разве такое прощают? Нет, конечно. Я просто приспособилась. Я приняла его условия. И мы зажили каждый своей жизнью. Одной семьей, но каждый своей жизнью.

– Но это же... – Лера потерла щеки, зажмурилась. Произнесла шепотом: – Но это же фальшь, Саша! Фальшь и притворство.

– Это просто жизнь, Лера. Такая, какая она есть. И не фиг тут мне лекции читать, моралистка! У нас с Алексом двое детей. Предлагаешь мне им каждые пару лет папу менять?

– Почему? Почему так часто? – задала она идиотский вопрос.

И Сашка даже рассмеялась.

– Потому что больше не выдержу. Чужого человека при моих детях не выдержу дольше двух лет. И одна быть не хочу. Поняла? Поняла прозу жизни, Лера?

И ушла, оставив ее в одиночестве. Ушла с любовником, отношения с которым благословил ее супруг.

Тьфу! Гадость какая!

На Сашку она потом дулась пару месяцев. На звонки, конечно, отвечала, но от встреч и совместного отдыха на их семейной даче отказывалась. Жить стало совсем скучно, и временами делалось так горько, что она тихонько плакала, утыкаясь носом в подушку на своей кровати под потолком.

И вдруг однажды, под самый конец осени, к ней в гости пожаловал Игорек. Без звонка, без договоренностей. Просто позвонил в дверь. И вошел в просторную прихожую.

– Привет, – поздоровался он, заходя. – Как дела?

– Ты явился, чтобы спросить?

Смотреть на него ей было очень неприятно. Игорек, в отличие от нее, выглядел превосходно, дорого, молодо. Она, в своем домашнем трикотажном костюме, который следовало выбросить еще год назад, рядом с ним казалась самой себе просто пастушкой. К тому же волосы не стала мыть, потому что не собиралась никуда выходить. Сцепила их заколкой на макушке. Глаза не накрашены. А ресницы у нее, хоть и длинные и пушистые, были русыми. Под трикотажной кофтой не было лифчика, и грудь едва угадывалась.

Станные мысли, да? Зачем они ее посетили? Она с Игорем в разводе почти год. Живут отдельно более полугода. Почти столько же не виделись. А она о ненакрашенных ресницах парится. Дура и есть!

– Неважно выглядишь, – произнес он со скверной ухмылкой.

Игорек снял с себя модную спортивную куртку. Стащил с ног туфли, заметив ее красноречивый взгляд. Она час назад только пол вымыла. И пошел гулять по квартире.

– А ты неплохо устроилась, дорогая Лера, – констатировал он, осмотрев все, кроме запертой комнаты. – Когда я устраивал этот обмен, я даже представить себе не мог, что квартира так хороша. Даже много лучше той, которую ты покинула. Может, махнемся, а?

– Нет.

Лера сцепила руки перед грудью. Ей очень хотелось немедленно переодеться. Вымыть или хотя бы расчесать волосы. Пройтись щеточкой туши по ресницам. Усадить этого павлина за обеденный стол и угостить тыквенным пирогом. Она его только что достала из духовки. Он вышел потрясающим.

Очень хотелось удивить Игорька. Зачем? Не очень было понятно даже ей самой.

– Значит, меняться не хочешь?

Он сам, без приглашения, полез за ее обеденный стол, странно, угадав безошибочно, который из двух столов в этой кухне именно ее.

– Нет.

– А и ладно. Я и сам не стал бы. Сюда денег надо вложить много, чтобы до ума эту квартиру довести. Это я так... Пошутил. Ладно, давай уже чай подавай. Что-то испекла, чую. Пахнет даже на лестничной клетке.

Ее тыквенный пирог Игорю очень понравился. Нахваливал не устывая. И даже снизошел до комплимента в ее адрес.

– Неплохо выглядишь, Лера. Даже в таком вот домашнем виде. Совсем неплохо. Свежо, естественно. Молодец.

И она покраснела. Ужас! Будто его комплимент ей понравился. А ей плевать было на его комплименты. Почти плевать.

Игорек ее неожиданный румянец понял как надо. И даже попытался затащить ее в постель. За что получил по физиономии.

– Кошка, – потер он щеку с недовольной гримасой. – Для кого себя бережешь? Для соседа?

– Не твое дело! – фыркнула она.

А про себя подумала, что ее соседом вполне может оказаться женщина. Милая, тихая, пожилая, без родственников. Она сейчас где-то на даче. С наступлением холодов вернется. И они станут нормально сосуществовать на общей кухне, угощая друг друга выпечкой и мудреными рецептами салатов. Будут жить без конфликтов. Без ругани. Тихо, мирно, славно.

– Ну-ну... Бывай, дорогая. – Игорек оделся, обулся, повертелся перед зеркалом. – Если что, звони.

– Забудь, Игорь. – Лера сердито свела брови. – Забудь меня. Звонить я тебе не буду. Ни – если что, ни без этого. Уходи.

– Ой! – Он скроил противную физиономию. – Только вот давай не зарекайся. Еще, может, прибежишь ко мне.

– Зачем?

– Помощи просить.

– Помощи? – ахнула Лера. – Ты будешь последним человеком на земле, кого я попрошу о помощи.

– А может, я им для тебя и буду, Лера, – и он забыто щелкнул ее по носу. – Самым последним человеком на земле, готовым тебе помочь...

И снова эта сволочь оказалась права на сто процентов. Будто у него где-то имелся тайный колодец, заглядывая в который он видел все про всех. И про нее там все увидел. Или угадал. Снова угадал.

Конечно, она не просила пока у него помощи. И все еще держала в душе оборону, но позиции сдавала день ото дня. Нервы, силы, терпение, все было на исходе. Она понимала, что еще немного, вот-вот, и она сдастся. Она не выдержит. И попросит у Игоря помощи. И примет все его условия. И согласится переехать.

Потому что две недели назад у нее появился сосед. И соседом не была тихая, одинокая, пожилая женщина, мастерски готовившая салаты. Им оказалось мерзкое, постоянно пьяное создание, без конца оравшее песни и водившее в гости толпы собутыльников. Это создание гадило в местах общего пользования, превратило общую кухню в свалку. Оно принялось воровать продукты из ее холодильника, и Лера спешно перетащила холодильник в комнату. Потом место там заняла и ее кухонная мебель с посудой, потому что сосед считал, что все, что стоит в кухне, принадлежит и ему тоже.

– Если сегодня вечером вы снова будете пить и орать, я вызову полицию, – пригрозила Лера, стоя у порога в прихожей.

Она как раз собиралась уйти на работу. А чудовище медленно выползло из своей комнаты и, оскверняя воздух парами перегара, пошло мимо в кухню.

– Вы меня слышали? Я заявлю в полицию.

И она на всякий случай приоткрыла дверь. Мало ли. Вдруг он бросится на нее с кулаками.

– Я тебя трогал, овца? – проскрипело в ответ из кухни. – Нет. На твою частную собственность посягал? Нет. Оскорблял?

– Да! Только что вы назвали меня овцой, – крикнула Лера в сторону кухонной двери.

– Это не считается.

– Я вас предупредила. Еще один такой вопиющий случай, и я напишу на вас заявление в полицию.

– Хоть в Европейский суд, – заявил наглец, оглушительно рыгая. – Я ничего не делал плохого. Я просто такой, какой есть. Если тебя что-то не устраивает, вали!

И выбегая из подъезда с трясущимися от гнева губами, Лера как нельзя кстати вспомнила о предложении бывшего супруга Игоря.

– Твое предложение еще в силе? – выпалила она, набрав его номер.

– Какое предложение? – отозвался Игорек сонно.

– Господи, ты спишь еще, что ли?! – возмутилась Лера.

– И что? Сплю.

– А работа? Ты не работаешь?

– Я в отпуске, – ответил тот с небольшой заминкой. – Так что за предложение, Валерия? Говори. Не затягивай вступление.

– Ты говорил, что готов поменяться со мной квартирами.

– Так у тебя же не квартира, а комната, – напомнил он вкрадчиво. – Или ты все выкупила?

– Нет. Там... Там сосед.

– Ах, сосед! – протянул Игорек насмешливо. – Не поладили? И ты хочешь, чтобы я не поладил с ним тоже? Ох, дорогая... Ты...

– Ладно, проехали.

Она собиралась убрать телефон, когда вдруг услышала. И подумала в первую минуту, что ослышалась.

– Сколько, сколько?!

– Ты не ослышалась. – Он повторил сумму. – Именно за столько я готов уступить тебе наше гнездышко и переехать в твою комнатку.

– Но наше гнездышко без обмена таких денег не стоит. И... И у меня нет таких денег, Игорь! Ты забыл, что обобрал меня?!

– Ты предложила. Я ответил. И согласился. На таких вот условиях. Других не будет. Пока.

Глава 2

Геннадий Степанович всегда считал себя старшим по дому. С тех самых пор, как въехал в свою «трешку» много лет назад. С семьей въехал. Жена была у него на тот момент. Хорошая, трудолюбивая женщина. Не красавица, нет. Широкоплечая. Ширококостная. С полными руками и крупными ногами. На Ларису мало кто оборачивался из мужчин. Даже в молодости, когда она еще была свежа и улыбчива. В зрелые годы, обретя неулыбчивый, склочный характер, его Лариса и вовсе перестала интересовать мужчин. Его в том числе. Но он не роптал. Они прекрасно ладили на своих восьмидесяти квадратных метрах. Растили сыновей, а их у них было двое. Исправно ходили на работу. Ездили на дачу. И, что являлось для Геннадия Степановича особенно важным, следили за порядком во дворе. Всегда! С младых, как говорится, ногтей и до зрелости. До тех самых пор, пока его Лариса не померла, а сыновья не разлетелись из родительского гнезда.

И сразу все поменялось. У него как будто улетучился весь запал. Он растерял все хозяйские нотки. Он перестал быть авторитетным не только для жильцов своего дома. Но и для жильцов своего подъезда. Его мог послать куда подальше любой пятнадцатилетний щегол. Мог назвать его стариком, дедом, а то и козлом.

Было очень обидно! Вспоминалась Лариса, которая давно бы задавила обидчика. Силой голосовых связок, да. Как она визжала, так визжать не мог никто на его памяти.

Сыновья – нет. Они никогда не были для них заступниками. Жили своей жизнью. Какой-то важной, занятой, суетливой. Видимо, эта суета и забросила одного из них во Владивосток. А второго за границу. Они почти не виделись! А после смерти Ларисы и созванивались редко.

Кстати, присутствие хотя бы одного из них сейчас не помешало бы, да. Присутствие или Сереги, или Витька не позволило бы мерзкому малому с четвертого этажа вести себя так нагло, так вызывающе, так необходимо.

Он же ни разу не впустил его в лифт, если ехал там. Нагло выпихивал и говорил:

– Дед, следующим рейсом. Следующим рейсом.

И Геннадию Степановичу приходилось подолгу ждать, когда эта молодая сволочь доедет до четвертого, выгрузится, а потом отпустит лифт.

Нет, конечно, он мог бы дойти до своего третьего этажа и пешком. Не так уж высоко, да и силы пока были. Но дело, понимаешь, принципа! Кто, понимаешь, дал этому щеглу право распоряжаться имуществом, которое ему не принадлежит? На уборку во двор ни разу не вышел. В подъезде гадит. По почтовым ящикам кулаками стучит. Да, да, да, стучит! Геннадий Степанович сам видел, как этот упырь достал что-то из своего почтового ящика. Какой-то конверт. Надорвал его, швырнул себе под ноги надорванную часть. Прочел, что прислали. И рассвирепел. Да так, что принялся молотить кулаками по ящикам. По всем! По ящику, который принадлежит Геннадию Степановичу, в том числе.

А попробуй скажи! Пошлет, в лучшем случае. Или ударит. Он может. Он не был таким уж хорошим, каким его считала соседка Геннадия Степановича – глупая Любка.

Вот тоже не дал Бог ума бабе. Вроде посмотреть – ничего так. Приятная. Даже для своих шестидесяти восьми. Молодится. Одевается прилично, добротнo. Всегда чистенькая. И пахнет от нее хорошо. Не щами и луком, как от Шуры с первого этажа, которая не давала ему прохода третий год. Приятная баба, одним словом. Если бы она была не против, Геннадий Степанович даже был готов тряхнуть стариной. Даже посмотрел бы сквозь пальцы на ее житейскую недалёковидность.

– Люба, нельзя быть такой наивной. Годы не те, – отчитывал он ее на прошлой неделе.

– А что я такого сказала? – округляла Люба черные, по-молодому озорные глаза. – Я просто сделала Игорю комплимент. Ему и его даме.

– А зачем? – удивлялся Геннадий Степанович за ежедневным вечерним чаем, который стал традиционным для них. – Шли они – и пусть идут своей дорогой. Тем более что никакая она ему не дама. Я слышал их разговор тоже. Так с дамами не говорят.

– А как он говорил?

– Как, прости господи, со шлюхой.

– Ой, да с чего ты взял, Гена? Ну откуда у тебя такие картинки? – пыталась возмутиться Люба, но природная мягкость не позволяла.

– Да потому что разговоры их сплошь о каких-то деньгах. Какие-то суммы, имена. Долги. Авансы. Слышал. Я все, Люба, слышал. Я как раз скамейку от жевательной резинки возле подъезда очищал, а тут они. И разговоры такие.

– И ладно. Ну почему сразу шлюха, Гена? Еще чайку?

Он кивнул. А она тут же встала с места. И захлопотала. Сполоснула его чашку. Потому что знала, он аккуратист. И не любил добавки в грязную посуду. Долила кипятку, заварки. Поправила горку из печенья в вазочке. Обновила, одним словом, все.

– Может, это деловое партнерство, Гена? Может, они коллеги?

– Может, и коллеги, – кивнул он с ядовитой улыбкой. – Только очень уж он для бизнесмена с ней вольно себя ведет. То за зад схватит, то за грудь. Коллеги! Шлюха она.

– Ну не знаю, – смуглые щеки Любы покрыл густой румянец, она смутилась его словам. – В конце концов, он одинок. С женой развелся.

– Ну, да. Развелся.

Вспомнив жену противного малого, Геннадий Степанович тут же загрустил. Вот была девушка хорошая. Всем хорошая. И внешне красавица. И воспитание достойное. Несколько раз на субботники выходила. Никогда не ругалась ни с кем. И его из лифта не гоняла. Даже помогала как-то ему сумки донести до двери подъезда.

– Был бы хорошим человеком, никогда не развелся бы с такой умницей.

– Что мы знаем! Чужая жизнь, она за семью замками, – воскликнула Люба и примирительно вздохнула. – Давай лучше со стола уберем. Сейчас наше кино начнется.

Кино они всегда смотрели вместе. Их вкусовые пристрастия были идентичными. Им нравилось одно и то же. Вот с его Ларисой было не так. Ее всегда раздражало то, что он смотрел. Всегда старалась переключить на другой канал. А с Любой не так. С Любой их вкусы и мнения насчет главных героев всегда совпадали. Только вот насчет соседа с четвертого этажа их мнения расходились. А во всем остальном...

Вчера вечером он, как всегда, смотрел сериал у Любы. Показывали сразу две серии. И они припозднились. И к концу просмотра уже отчаянно зевали оба.

– Ой, иди, Гена, иди. Глаза просто слипаются, – аккуратно теснила его к двери Люба.

И, как всегда, сделала вид, что не понимает его многозначительных взглядов. А он намекал, уже второй год намекал, что не прочь бы остаться ночевать у нее. Выпроводила. Как всегда.

Он вышел на лестничную клетку. Нашарил свои ключи в кармане старых штанов, в которых ходил по дому и никогда на улицу не надевал. Вставил ключ в замочную скважину. Верхнюю. Когда он бывал у Любы, то на нижний ключ никогда двери не закрывал. Зачем? Он же рядом. Не за покупками же ушел.

Геннадий Степанович успел повернуть ключ в замочной скважине всего один раз, когда услышал это. Сначала, он точно помнил, послышалась какая-то возня. Драка, не драка. Не понять. Может, тискались влюбленные? Могло быть и такое. Потом женский голос тихо выругался. Матом, грязно. Женщину о чем-то попросил мужчина. И Геннадий Степанович тут же узнал голос противного малого. Только теперь он говорил жалобно, без наглого апломба. Он будто просил о чем-то женщину. Как будто даже умолял. И это было так удивительно, так на него не похоже, что Геннадий Степанович, повернув ключ в замке еще дважды, замешкался.

Очень ему стало интересно, кто же так сумел укротить противный нрав соседа сверху? И чего это они на лестничной клетке возятся? Чего в квартиру не заходят? Так приспичило, что ли?

Геннадий Степанович вспомнил о двух сериях, которые только что просмотрел с Любой. Был, был там такой эпизод, где главный герой начинает целовать и раздевать свою девушку прямо на лестничной клетке. Сумка куда-то отлетает, шарфик под ноги, перчатки тоже. Люба еще поморщилась и заметила, что они явно переигрывают. Он согласно кивнул, хотя накал страстей ему был немного понятен. У него так никогда не было с Ларисой, нет. Но вот с Любой он с радостью бы этот эпизод повторил. Даже в свои шестьдесят девять.

Повторил не он. Повторял весь эпизод теперь противный малый с четвертого этажа, умоляя какую-то девушку срывающимся на шепот голосом. Они возились, шаркали ногами, шептались. И не спешили, странно, за дверь.

Молодо, хоть и не зелено уже, но молодо, да! Почувствовав в сердце острый укол зависти, Геннадий Степанович вытащил ключ из замка, тихо распахнул дверь своей «трешки», шагнул внутрь темной прихожей и... прирос к полу с растопыренными в разные стороны руками.

Он отчетливо услышал, как Игорь с четвертого этажа воскликнул:

– Но, Лера! Погоди!

И тут же раздались сразу два характерных хлопка.

Выстрелы! Это точно были выстрелы. Он не мог ошибиться. Он в этом знал толк. Как-то довелось проработать три года в милицейском тире. К тому же он четко расслышал, как шлепнулись с металлическим стуком обе гильзы о бетонный пол лестничной клетки.

Сейчас она или он их подберет. И, наверное, не воспользуется лифтом, чтобы не рисковать, а начнет спускаться по лестнице. И увидит его – старого идиота, который подслушивает.

Он отмер за секунду. Резким движением, но тихо закрыл дверь. Бесшумно повернул головку внутреннего замка. Не включая света, прилип к дверному глазку. И замер.

Кто кого убил?! Кто кого?! Если это Игорь убил девушку, то он, скорее всего, втащит тело в квартиру, чтобы потом попытаться от него избавиться. Станет выносить частями, в сумках! От этой мысли Геннадия Степановича тут же затошнило. И ему пришлось часто дышать и часто сглатывать, чтобы не вырвало прямо у двери на кусок старого паласа.

Если девушка убила Игоря, то она сейчас должна будет спускаться вниз. По лестнице или лифтом? По лестнице или лифтом? Лера? Он назвал ее Лерой? Но так звали его бывшую жену. Что получается? Это она?! Она убила своего бывшего мужа? Или не она, а та девка с дикой внешностью, которую Игорь без конца хватал за задницу и с которой постоянно обсуждал какие-то финансовые проблемы?

Но Игорь четко сказал:

«Но, Лера! Погоди!»

Что это могло значить? Он обратился к ней по имени или все же говорил о ней с кем-то?

Ох, ох, ох! Как же страшно! Как жутко было стоять сейчас возле своей двери и ждать, прижавшись веком к дверному глазку. Чего он ждал? Развязки?

Геннадий Степанович так и не дождался. Никто не прошел мимо его двери. И непонятно было, уехал кто-то лифтом или нет. Потому что лифт вдруг принялся ездить туда-сюда. Геннадий Степанович простоял у двери, таращась в дверной глазок, целых двадцать минут. Ничего не происходило. У него разболелась шея, заслезились глаза. И он рискнул покинуть свой пост.

Не его это дело, решил он, укладываясь спать. И на удивление спокойно и долго проспал. А проснувшись в девять утра, обнаружил у себя зверский аппетит. И кроме овсяной каши на завтрак позволил себе яичницу из трех яиц и целых две сосиски.

Из дома выходить почему-то боялся. Сам не знал, почему! Окна выходили во двор, и там, странно, ничего не происходило. Ни карет «Скорой помощи». Ни машин полиции с включенными мигалками.

Может, ему все привиделось? Может, после просмотра сериала у него разыгралось воображение?

Но нет же, нет! Он не идиот и совсем еще не старый, чтобы не распознать в странных хлопках выстрелы из пистолета с глушителем. И звук падающих на бетон гильз он ни с чем другим не спутает. Он три года проработал в милицейском тире. Ушел, потому что платить стали меньше. Да и реформы начались, а у него возраст неподходящий.

Он не мог спутать. Нет!

Надо подождать, решил Геннадий Степанович, отправляясь на послеобеденную прогулку. Надо подождать, что будет дальше.

А дальше ничего, странно, не происходило. Прошла неделя, другая. Никаких трупов. Никакой возни. Игорь, правда, не появлялся во дворе. Ни один, ни с подружкой своей. А во всем остальном все как и раньше.

И вдруг в конце октября ему в подъезде встретились новые люди. Молодая пара. Мужчина и женщина, лет по тридцать с небольшим. С большими сумками. Они остановились вместе с ним возле лифта. Сдержанно поздоровались. Подошел лифт. Они вошли все вместе. Вежливо поинтересовались, на какой ему этаж. Он сказал, что на третий. Они нажали четвертый.

– А вы в гости в кому-то? – не выдержал Геннадий Степанович. – На четвертом я всех знаю. Все на работе сейчас.

– Мы не в гости. Мы к себе, – отозвалась женщина, не улыбнувшись.

– К себе? – удивленно вскинул он брови. – А как... Я вас...

– Понимаем. Вы нас не знаете, – кивнул мужчина. – Мы квартиру купили неделю назад. Вот готовимся к ремонту.

И он назвал номер квартиры, в которой проживал Игорь. Сначала со своей женой Лерой. А когда развелся с ней, то проживал один. Время от времени он таскал к себе в гости девушку странного поведения, которую начинал лапать еще на улице перед подъездом.

Он проживал в той квартире. Он! При чем тут эти люди вообще?!

– Мы не знаем, где теперь хозяин. Мы купили квартиру в риелторской конторе, – неохотно отозвался мужчина и кивнул на раскрывшиеся двери лифта. – Ваш этаж. Третий.

Геннадий Степанович вышел. Подержал в руках ключи. Постоял возле своей двери. И решительно вдавил кнопку звонка Любиной квартиры. Да, да, он знал, что она сейчас отдыхает. С трех до пяти ежедневно она спала. И тревожить себя в это время не разрешала. Уверяла, что потом будет весь день разбитая. И ей уж будет не до чаепития и не до сериалов вечером.

Но он не мог больше молчать! Он должен был с кем-то срочно поделиться. Своими сведениями. Своими подозрениями. Люба, конечно, тем еще была советчиком. Наивна была и доверчива. Но не глупа же! Что-то же да посоветует.

– Ох, Гена! Вот любишь ты на ровном месте найти проблему.

Люба в сотый раз недовольно поджала губы. И демонстративно тронула повязку на голове. Она повязалась сразу, как он ввалился к ней в неурочное время.

– Какой выстрел? Какая девушка? Что ты выдумываешь?

– Я не выжил из ума, Люба. Я все это слышал своими, эти вот ушами, – и он трогал свои уши.

Геннадий Степанович был сильно бледен и встревожен. Одно дело было рассуждать наедине с собой. Другое – озвучить все это. Ведь стоило ему открыть рот и поделиться подозрениями с соседкой, как все стало много хуже. Все стало выглядеть еще зловещее, чем казалось ему ранее.

– Игорь пропал? Пропал. Ты когда видела его в последний раз?

– Игоря? – Аккуратные брови Любы уползли под повязку на голове. Она задумалась. – Не помню.

– Вот! А я тебе скажу. Точную дату скажу, – и он назвал ей точную дату. – Как раз шли двадцатая и двадцать первая серии нашего с тобой кино. – Я вышел. А на лестничной клетке такое!

– Но ты же не видел ничего. Тебе могло показаться.

– И мне показалось, что Игорь исчез. И что в его квартиру вселились посторонние.

– Он продал квартиру. Тебе же сказали, Гена.

– Не он, а риелторы, – поправил Геннадий Степанович. Он подумал, беззвучно шевельнул губами и вдруг изрек: – Надо идти в полицию.

– Но зачем? Что ты им скажешь? Что тебе что-то такое привиделось? Или слышалось? Гена... Это неразумно. И опять же, придется подставить под подозрение хорошего человека.

– Это кого? – Он отвлекся и не сразу понял.

– Валерию. Ты же слышал, как Игорь называл ее по имени. Значит, это была она. И если его убили, то... Это, получается, сделала она?

Глава 3

– Какую серию, говорите, вы в тот день смотрели?

Темно-серые глаза молодого полицейского, в которых плясали черти, уставились Геннадию Степановичу аккурат в переносицу.

Издавается. Потешается. Не верит.

– Двадцатую и двадцать первую, – уточнил Геннадий Степанович и скорбно поджал губы.

– Стало быть, это у нас было... Это у нас было, какое число?

Малый активно щелкал по кнопкам клавиатуры. То ли правда искал в Интернете программу передач минувшей недели. То ли идиотничал. Делал вид, что ищет.

– Правильно. Это у нас было... – и он назвал точное число. – И то, что вы слышали, случилось уже после сериала?

– Так точно.

– Ага. Стало быть, времени на часах было...

– Десять минут двенадцатого, молодой человек, – перебил его Геннадий Степанович. – Я вам об этом уже говорил. И число, и время называл. Вы мне не верите? Решили, что я с ума сошел? От старости?

– Нет, что вы.

Парень ахнул будто бы испуганно, но глаза по-прежнему искрились дьявольским смехом.

– Не верите, – понял Геннадий Степанович. – Ну, хорошо. Я тогда пойду. Мое дело было сигнализировать. А ваше... Ваше либо реагировать. Либо нет. Так ведь?

Парень первый раз за время разговора, кажется, устыдился. Тут ведь минут десять назад в кабинет вошел еще один персонаж. В юбке! Встал у дальней стены и замер. Внимательно прислушиваясь к их разговору. Может, перед юбкой этой малый и выделялся.

– Так я пойду?

Геннадий Степанович сделал пару аккуратных шажков в сторону двери. Он, если честно, все ждал от малого вопросов. Хотя бы примет той девушки распутного нрава, которую Игорь все таскал к себе в гости и с которой без конца обсуждал какие-то финансовые дела. Может, и махинации, кто знает!

Но его больше никто ни о чем не спросил.

Нет, тот самый персонаж в юбке, замерший у дальней стены, попытался было его остановить. Спросил у Геннадия Степановича адрес, по которому он постоянно проживает. Но ответить старику не дал молодой полицейский, тайно потешавшийся над ним все время разговора.

– Я записал, товарищ капитан. Адрес у меня имеется.

Ух ты! Товарищ капитан! Не смотри, что в юбке.

– Спасибо вам, Геннадий Степанович. Мы с вами свяжемся.

Капитанша вдруг бросилась провожать его до двери. Даже локоть ему пожала и улыбнулась.

Какие они тут все веселые, понимаешь! Никакой бдительности. Одно веселье.

– Мы с вами непременно свяжемся, – снова пообещала она.

– Ну, связывайтесь, связывайтесь, – отозвался он ворчливо и ушел.

И не знал, что первые минуты после его ухода в кабинете было тихо. Потом молодой лейтенант, не поверивший ни единому слову старика, прыснул:

– Что это было, товарищ капитан Юля Артамонова?

Лейтенант встал со стула, шагнул из-за стола, приблизился к ней на опасное расстояние. Расстояние, которое неприлично намекало на какие-то их тайные отношения.

– Что это было, Юленька? – дыхнул он на нее запахом мятной жевательной резинки. – Ты решила проявить учтивость? Чтобы этот старикашка не побежал тут же жаловаться к начальству?

– На что жаловаться?

Капитан полиции Юля Артамонова, съездив недовольную гримасу, на всякий случай отошла к соседнему столу. И через минуту расселась за ним по-хозяйски. Хотя это не было ее рабочим местом. Оно у нее располагалось этажом выше. В другом крыле.

– На что жаловаться, лейтенант Андрюша Левкин? – Она высоко вскинула идеальной формы брови.

– Ну... Допустим, на то, что я не воспринял его слова всерьез. Не составил протокола. Не заставил написать заявления о пропаже его соседа. Который, по его утверждениям, скорее всего, был убит из пистолета с глушителем в тот момент, когда старик выходил от своей соседки. С которой просматривал сериал о криминальных разборках.

– А что же вы, товарищ лейтенант, ничего этого не сделали? Почему? – Она сурово нахмурилась, но глаза смеялись.

– Потому что... – Андрей Левкин закатил глаза к потолку, сцепил пальцы и похрустел слегка. – Потому что старик явно выжил из ума. И ему это все привиделось, послышалось, придумалось, товарищ капитан Юля Артамонова. И плодить бумаги, тем более такие глупые дела, мне не позволит ни одно начальство.

– К которому этот старик, возможно, сейчас отправился. И которому, возможно, примется сейчас на тебя стучать. – Она сжала кулачок и постучала костяшками пальцев по чужому столу. – И начальство это вызовет тебя и заставит снова провести беседу с этим дядькой. Бдительным, скажу я тебе, дядькой.

– Не выдумщиком, нет?

Андрей в притворном испуге приложил кончики пальцев к губам, потешно округлил глаза. Это была часть их игры. Часть их тайных отношений. И обоим это нравилось. Как нравился и легкий, ни к чему не обязывающий роман. Было время, они встречались. Не было времени, здоровались на бегу.

– Не выдумщиком, бдительным? – Андрей сел на краешек чужого стола, наклонился так, чтобы почти касаться своим ртом рта Юли. Прошептал: – Я соскучился.

– Я тоже, – ответила она тоже шепотом и выразительно глянула на дверь. – Сюда могут войти. Встань.

Андрей тут же послушно соскочил со стола, вернулся на свое место. Схватился за бумагу, на которой записал данные дотошного старика Геннадия Степановича.

– Тебе точно нужен его адрес, а то я выброшу эту писанину?

– Точно нужен. Не выбрасывай.

Андрей положил лист на край стола. Изумленно уставился на Юлю.

– А зачем? Что тебе в его рассказе так понравилось?

– Точнее сказать: не понравилось, – поправила его Юля.

И тут же сделалась до невозможного серьезной и деловой. Андрей насторожился. Затих. За эту грань заступа не было.

– Так что, товарищ капитан? Что не так в его рассказе?

– А то, что он отчетливо слышал два хлопка, похожих на звуки выстрела пистолета с глушителем.

– Могло показаться.

– Допустим. А звон падающих гильз?

– Придумал. Вышел из квартиры соседки сразу после сериала, в котором без конца стреляют. Я как-то нарвался на одну из серий. Так жесть вообще, товарищ капитан.

– Допустим.

Она будто согласилась, но голову склонила к правому плечу, так она настырничала. Он знал об этой ее привычке.

– Так что не понравилось? В его рассказе?

– То, о ком именно он рассказывал, Андрюша.

– А о ком?

– Ты уже и не помнишь? – насмешливо улыбнулась Юля.

– Почему не помню? Помню. – Андрей покосился на бумагу на краю стола. Он все записал. – Лавров Игорь Сергеевич. Проживает по адресу... – Он зачитал: – На четвертом этаже в двухкомнатной квартире. Старик на третьем. В трехкомнатной. Так что тебе в этом Лаврове не понравилось?

– А то, дорогой мой Андрюша, что этот Лавров с некоторых пор у нас в разработке.

– Да ладно!

Лейтенант тронул затылок, будто его ему уже взгрело начальство, к которому поспешил с жалобой Геннадий Степанович.

– Вот тебе и ладно. – Юля нахмурилась. – Он попал в поле нашего зрения совсем недавно. Как бы вскользь засветился в деле, которое у нас сейчас в производстве.

– Что за дело?

– Дело о риелторах.

– Махинации?

– Ты знаешь, с первого взгляда все будто бы чисто. Бумаги в порядке. Контора солидная. На рынке недвижимости уже пять лет. Но с чего все началось?

Юля навалилась грудью на стол. Четвертая сверху пуговка на ее форменной рубашке натянулась. И Андрей некстати отвлекся, вспомнил, что последний раз он ночевал у нее уже больше двух недель назад. И, кажется, кажется, правда успел соскучиться. Она была горячая штучка – капитан Юля Артамонова. Веселая, безбашенная, когда не на службе. Ему с ней нравилось, хотя она и была старше его на семь с половиной лет. Они такое творили, запираясь на все замки в ее квартирке...

– Поступила к нам жалоба от одного чела о том, что в квартире, которая принадлежала его брату, проживают посторонние. Он, мол, давно не был в городе. С братом давно не виделся, не созванивался. Не контактировал никак, одним словом. Вернулся из-за границы. Поехал к брату с визитом, не сумев до него дозвониться, а в его квартире люди живут. Посторонние. Он к ним сначала с вопросами. Они его послали. Он тогда к ним с претензиями, куда, мол, брата подевали? Они снова его послали. Тогда он пришел к нам. Написал заявление. Мы отреагировали, в отличие от некоторых, – покосилась неодобрительно Юля на край стола, где лежал лист бумаги, исписанный лейтенантом. – Пришли на адрес. Жильцы нам представили всю документацию. Все так. Все верно. Купили квартиру через риелторскую контору. Мы в контору. Там все подтвердили. И генеральную доверенность нам показали, выданную им братом заявителя. И даже бухгалтерскую отчетность показали. Из которой следовало, что деньги были перечислены в полном объеме на счет гражданина, который выдал им доверенность.

– Ну! Все по-честному. И что не так?

– А то, товарищ лейтенант, что человек, продавший квартиру, не мог этого сделать без своего брата.

– У него была доля?

– Нет. У него была оформлена опека над братом. Он числился инвалидом. И совершать сделки без присутствия своего опекуна не мог.

– Прямо инвалид-инвалид? Чего же тогда жил один? Чего же тогда его опекун бросил, смывшись за границу?

– Опекун за границей не отдыхал. Работал. Инвалид наш мог жить самостоятельно. Тем более что в помощь ему брат оставил кого-то, кто помогал по хозяйству.

– Жить, стало быть, один мог. А хату продать – нет? Братца закусило?

– Не совсем так. Зачем ты? – укорила Юля. – Там нормальный человек. Продажей квартиры не особо озаботился. Его больше волновало, куда его больной брат подевался? Почему не выходит на связь? Почему не оставил никаких координат? И что самое главное...

И тут Юлька сделала хитрые-прехитрые глаза. Прижалась грудью еще сильнее к столу. Теперь уже пуговка едва держалась. Отвлекающий маневр был о-го-ого какой. Попробуй тут сосредоточиться и мыслить, как она.

– И что самое главное? – Он через великую силу отвел взгляд от ее груди.

– Почему его брат обналичил все деньги от продажи квартиры, перечисленные на его банковский счет? Зачем ему столько наличных? Сразу? Куда он с ними отправился?

– Ух ты! А Лавров там каким боком?

– погоди, не забегай вперед, лейтенант. – Юля резко оттолкнулась от стола, облокотившись спиной о спинку стула, высокая грудь плавно качнулась. – Мы отправились в банк, куда перечислены были деньги и откуда потом были успешно сняты. Поговорили с сотрудниками.

– И что выяснилось? Выяснилось что-нибудь?

– Выяснилось. По записям с камер видеонаблюдения было установлено, что брат-инвалид самостоятельно, незаконно продавший квартиру, присутствовал в отделении банка. То есть получал деньги собственноручно. Но! – Юля подняла вверх указательный палец правой руки. – Но он бы не один. С ним рядом постоянно крутился какой-то человек. Говорил с ним, подталкивал в сторону оператора, потом в сторону кассы. При детальном изучении записей нам удалось установить, что этот человек привез инвалида в банк на своей машине. На своей же потом и увез.

– И по номерам вы определили, кто именно его сопровождал?

– Зачет, Андрюша, – похвалила Юля.

– И им оказался Лавров?

– А вот и нет. – Она показала ему кончик языка, поддразнивая. – Им оказался главный бухгалтер фирмы риелторов, через которую оформлялась сделка купли-продажи.

– Ни фиги себе! Дураки, что ли, так светиться?

– А ничего они не засветились, как считают. Этот малый-инвалид сам к ним явился и сам попросил о помощи. Запись имеется. У них там тоже все в камерах. Страхуются таким образом, с их слов. Он их попросил о сопровождении. И только!

– И куда же он потом в результате сопровождения подевался? С такими деньгами!

– А его, по его же якобы просьбе, главный бухгалтер отвез на автовокзал и посадил в автобус междугородного направления. И даже помог с покупкой билета.

– Врет?

– Нет. Все так. Проверили. Садился в автобус наш парень. С большой сумкой. Его водитель вспомнил. А вот где вышел и доехал ли этот человек до конца пути, он не помнит. Так вот...

Юля замолчала. Уставив немигающий взгляд на светловолосую голову своего друга, она тоже вдруг вспомнила, что давно уже у них не случилось романтического свидания. Все работа!

А с Андрюшкой ей было хорошо. Весело и необременительно. Без лишних обязательств.

Может, следовало сегодня заказать какой-нибудь вкусной еды из ресторана и запереться с вечера до утра в ее квартирке?

Да-а-а, мечтать не вредно. Развлечешься тут, когда дядька этот старый нарисовался. Может, пустышка его визит, а может, и нет. Проверить-то следовало. А каждая проверка с поквартирным опросом, Юля точно знала, не только крадет личное время, но и губит личную жизнь. Домой возвращаешься после обхода злая, напряженная, голодная. Пока что-то наскоро приготовишь и съешь на ходу. Пока в ванне отлежишься, дремля под шум льющейся воды,

уже не до любовных утех. Тем более с таким, как Андрейка. Тот много отдавал, но и требовал взамен немало. Приходилось выкладываться.

Нет, до лучших времен.

– Так где попал в поле зрения Лавров, я так и не услышал? – Андрей пошелкал пальцами, поводя рукой в разные стороны. – В банке был вместе с главным бухгалтером? За рулем его машины?

– Да нет. Все проще. Он числился в списках сотрудников этой риелторской конторы. До недавнего времени числился. А месяц назад вдруг уволился.

– Вдруг? Почему вдруг? Может, просто взял и уволился.

– Может быть. Мы тоже поначалу не обратили особого внимания на этот случай. Но вот теперь! – Она сделала страшные глаза в сторону стула, на котором горбился полчаса назад Геннадий Степанович. – После такого неожиданного заявления даже не знаю, что и думать.

– А что можно подумать? Старику привиделось, и все, – напомнил ей о своей точке зрения Андрей Левкин.

– Все что угодно можно подумать, лейтенант Андрейка. – Она улыбнулась ему улыбкой мудрой, пожившей следователю. И тут же принялась загибать пальцы. – Его в самом деле могли убить, тело вывезти, а квартиру его продать. Он сам в пылу ссоры мог убить свою собеседницу, тело вывезти, а квартиру продать. Он мог вообще никого не убивать, и его могли не убивать, и все, что слышалось старику, просто иллюзия. А Лавров мог продать квартиру и исчезнуть, потому что понял, что под их контору копают.

– Он же уволился, – напомнил Андрей.

– И что? Когда это кого спасало от ответственности? – Юля подергала плечами.

– Думаешь, он решил слиться?

– Ничего я пока не думаю, – поморщилась Юля. – Можно думать все что угодно. Но...

Андрей вытянул шею.

– Но зато теперь у нас есть все основания объявить его в розыск. И для этого тебе придется сегодня вместе со мной навестить нашего дядечку, как там его?

– Геннадий Степанович, – подсказал Андрей.

– Именно. И попросить его составить заявление, на основании которого мы и станем искать пропавшего Лаврова. Убили его или он побежал, не важно. Важно, что теперь мы станем его искать.

Глава 4

День выдался славным. Сосед с утра куда-то смылся. И в квартире сразу стало так тихо, что слышно было, как пощелкивает на стене в коридоре старый электрический счетчик. Даже через запертую дверь ее комнаты. Валерия боялась поверить, что выходные пройдут у нее в относительно покое. И она сможет, наконец, вымыть ванную комнату, туалет. Прибраться в кухне, отчистить газовую плиту. В его присутствии она этого делать не могла. Он тут же прилипал сзади и шумно дышал ей в затылок застарелым перегаром. И говорил всякие мерзости. И даже звал замуж.

– Это исключено, – осмелилась она однажды отказать ему.

Ой, что тут началось!

– Да ты что о себе возомнила, лошадь?! – заорало лохматое зловонное существо, стоя за ее спиной в опасной близости. – Королевой себя считаешь? Да за такого, как я, любая пойдет. А ты... Ты тля бездомная. А у меня... Мы могли бы вместе стать хозяевами этой хаты.

Много еще чего он говорил. Оскорблял. И даже хватал ее за руки.

– Если еще хоть раз тронешь меня, засажу! – пригрозила она, размахивая кухонным полотенцем. – Вызову полицию и посажу за сексуальные домогательства.

– А докажешь? – Он попытался улыбнуться в густую бороду, но вышло неуверенно.

– Докажу. Я все пишу на диктофон, – соврала она.

И тут же подумала, а почему она, собственно, этого не делала никогда раньше. Хорошая же идея.

– Ну-ну. Пиши-пиши.

С той поры греметь и петь он стал в два раза громче, но ее обходил за версту. Даже делал вид, что ее не замечает. Уже за это Валерия была ему тайно благодарна. И, странно, гости его – шумные, пьяные – тоже куда-то исчезли. Орал и гремел он теперь один.

А сегодня и он исчез. Странно. Он ни разу за минувшие недели никуда не выходил, если она была дома. Будто ждал ее нарочно, чтобы устроить дебош.

Она приоткрыла дверь своей комнаты, выглянула. Никого. Шагнула за порог. Подошла к соседней двери и подергала ее. Не заперто! Чертово любопытство не погнало ее прочь. Наоборот! Оно заставило ее войти внутрь.

Она вошла и обомлела. В комнате ее пьяного гадкого соседа было очень чисто. Просто стерильно чисто. Паркетный пол блестел. На окнах чистые красивые занавески до пола. Тюль свисал красивыми пышными складками. Портьеры в тон стенам. Вдоль одной стены неширокая кровать, тщательно затянутая бархатным покрывалом. Напротив диван под таким же бархатным чехлом с грудой подушек. Стол слева у двери. На нем ноутбук. Выключен. Справа у двери шкаф.

Не заглянуть в него Лера не могла. Открыла одну дверцу. На полках насчитала три чистейших постельных комплекта. Несколько пар белья. Все чистое. Хорошо пахнет стиральным порошком. Внизу три пары обуви в коробках. Кроссовки. Фирменные, дорогие! Пара кожаных туфель. И кожаные тапки с этикеткой. За второй дверью обнаружилась верхняя одежда. Аккуратно висит себе на плечиках. Куртки. Костюмы, рубашки. А за третьей дверью...

– Да что же это такое-то?! – ахнула Лера и попятилась.

За третьей дверью грудой валялось грязное зловонное тряпье. Свитера, футболки, растянутые треники. Она это все помнила. Она это все видела на нем, на своем соседе.

Она с грохотом захлопнула третью дверцу. Уставилась на шкаф. Потом снова открыла среднюю. И принялась шарить по карманам курток, костюмов, явно дорогих. Какие-то чеки находились пятилетней давности. Мелочь, скомканные бумажные деньги. Немного. В общей сумме рублей четыреста. И никаких документов! Никаких билетов на общественный транс-

порт. Вывод? Этот человек не ездил на автобусах. Он был обеспечен? У него была машина? Возможно. Тогда что сейчас с ним не так? Почему он так себя ведет? Так одевается, воняет, не стрижется и не бреется. Она даже лица его толком не могла рассмотреть, таким заросшим оно было. Усы, густая борода.

Он притворяется, корчит из себя урод, достает ее, чтобы она съехала? Чтобы спешно покинула комнату, продав ее за бесценок?

Та-ак! Кажется, до нее дошло, наконец, что происходит. Она такое видела по телевизору. И в кино. Когда кому-то нужно было избавиться от соседа, то ему создавали невыносимые условия. Его попросту изводили. И он спешно съезжал, продав свою комнату за копейки.

Эта комната стоила дорого. Это Сашка ей сказала. Узнавала на рынке недвижимости специально. Престижный район, высокие потолки, большая площадь комнаты.

– Ты можешь даже навариться, Лерка, если продашь ее, – уверяла подруга. – Можешь на эти деньги купить себе отдельную «однушку» или «студию». В другом районе. Пусть на окраине. Зато отдельно. Без соседей.

Она пока отмахивалась. Не до того было. Да только-только переехала. И на ремонт потратилась. Но мысль эту в архиве держала. Думала, что вот когда уж у нее терпение лопнет окончательно, она так и сделает.

Что ей делать теперь? Идти в полицию со своим открытием?

– Ты дура, да? – первое, что выпалила ее подруга, когда она ей позвонила и рассказала обо всем.

– Чего сразу дура-то? – обиделась Лера.

– Как ты объяснишь, что в его комнату входила? Что по карманам шарил? А вдруг у него там самородки золотые имелись?

– Не имелись.

– Попробуешь доказать? – фыркнула Сашка. – На хрена ты вообще туда входила?

– А чего он! – возмущенно воскликнула она и тут же тише добавила: – Дверь не запер.

– Да мало ли кто дверей не запирает, ты во все должна соваться?! Это сволочь эта – Игорек твой – тебе такую гадость подстроил. Чувала я, что в его добром поступке что-то кроется. Гадость какая-то. Вот пока не знаю, какая именно. Ладно, сиди у себя. Жди. Я ша приеду.

Сашка приехала почти через час. Выходной. Пробки девять баллов.

Она вошла к ней в комнату. Сняла с себя шапку, куртку, ботинки. Все аккуратно разместила в ее маленьком шкафу, который она втиснула у двери для уличной одежды. Поначалу он стоял в прихожей. Но после появления у нее шумного гадкого соседа она шкаф перенесла в комнату. И обеденный стол. И холодильник. И всю посуду.

– Ну, пошли, посмотрим на добро твоего зловонного соседа, – скомандовала Саша, переобувшись в тапочки, которые покупались специально для нее.

Они подошли к двери. Замерли.

– Нет, давай поступим следующим образом, – уперла ладошку ей в грудь подруга. – Ты стой у двери на шухере. Если он вдруг вернется, шуми. Отвлекай его каким-то образом.

– Каким?

– Мне без разницы. Хоть замуж за него обещай выйти. Но чтобы он спиной к своей комнате встал. Мне нужно будет время, чтобы оттуда выйти. Все. Иди. Замри.

Никому ничего обещать не пришлось. Пока Саша производила обыск в комнате соседа, тот так и не явился.

– Ничего не понимаю, – произнесла Сашка задумчиво, встав у распахнутой кухонной форточки с сигаретой. – Что-то здесь не то...

– Ты о чем?

Лера недовольно морщилась. Табачного дыма она не переносила. Но терпела Сашкину вредную привычку, и даже не пыталась ее от нее избавить. Знала, бесполезно. Сашка только психовать начнет. Сейчас было не до нервов.

– Слушай, давай расскажи, как у тебя обмен произошел?

– Какой обмен?

– Игорь как тебя выселил?

– Ой, подробностей не знаю. Приехали к нам из какой-то риелторской конторы. Все замесили. Осмотрели. Сокрушенно покачали головами. Сказали, что разменять нашу квартиру на две «однушки» без солидной доплаты не получится. Это я и без них знала. Денег у меня нет.

– А у Игоря были.

– Не знаю.

– Выходит, были, раз он тебе эту комнату выкупил. А сам остался в вашей квартире.

– Он сказал, что совершил какой-то виртуозный двойной обмен. И именно поэтому ему удалось сохранить квартиру. И для меня купить комнату.

– Дурочка ты, Лера. Какая же ты еще дурочка. Четвертак уже прожила, а пустая, как тундра неогороженная.

– Почему?

Лера даже не обиделась. Саша была всерьез озабочена. Хмурилась. Курила много. Явные признаки беспокойства.

– Потому что Игорь твой совершил виртуозный обман, а не обмен! – фыркнула Саша, выпустив в форточку струю дыма. – Никакого обмена он, думаю, не делал. Просто по случаю выкупил эту комнату. Если вообще выкупал...

– Что, что, что? – нахмурилась Лера. – Что ты этим хочешь сказать?

– Ты видела документы? Договор купли-продажи и все такое?

– Да. Видела. Я же его подписывала.

– С кем? Где?

– Через ту же риелторскую контору, представители которой приходили к нам.

– Помнишь, как называется?

– Контора?

– Да, да, не тупи, Лера! – прикрикнула на нее Сашка, придавила окурок в пепельнице, громко хлопнула форточкой. – Покажи мне договор. Живо!

Договор ее подруга изучала долго, досконально. Даже звонила куда-то. Кажется, мужу своему. Лера не прислушивалась. Она ушла в кухню готовить им обеим обед. Саша ворчала, что сорвалась без завтрака даже. И после сигарет у нее ноет желудок.

Когда она втащила в свою комнату кастрюлю с супом и сковороду с отбивными, Сашки не было.

– Эй, ты где? – Лера высунулась из комнаты. Громко позвала: – Саша!

Саша выбежала из комнаты соседа с перекошенным от страха лицом.

– Чего орешь?! – набросилась она на Леру. – Я уж подумала, что сосед твой вернулся!

– Нет. Не вернулся. А ты чего опять там делала?

– Надо было проверить кое-что. Алекс посоветовал. Чем так вкусно пахнет? – Сашка повела носом, блаженно улыбнулась. – Супчик. Ум-мм, люблю твои супчики, Лера. У меня такие не выходят. Дети категорически мои супы не едят. Научишь?

– Научу, – пообещала Лера, входя следом за подругой в свою комнату. – Садись к столу. Наливать буду.

– А я тебя, подруга, взамен научу, как в дикие ситуации не попадать, – произнесла зло-вещим тоном ей в спину Сашка. И ткнула кулаком между лопаток. – Ты так попала, подруга. Так попала!

– В каком смысле, попала? – Лера медленно опустилась на стул с поварешкой в руке.

– В какую-то нехорошую историю, думаем мы с Алексом, ты попала.

Саша схватила из сушки две глубокие тарелки, выдернула у нее из рук поварешку, сняла крышку с кастрюли с огненным супом. И начала наливать.

– Что за история? – слабым голосом спросила Лера, наблюдая, как Сашка неумело хозяйничает, роняя на скатерть картошку и рис из супа.

– Давай поедим. Потом обсудим.

И, схватившись за ложку, Саша принялась есть ее суп. Ела, блаженно жмурилась и урчала по-кошачьи. У Леры аппетита не было вовсе. Вернее, он был. Теперь исчез. Но несколько ложек все же проглотила. Сашка пообещала, что не расскажет ей ничего, если она не поест.

– В общем, так. – Саша сыто улыбнулась, откинулась на спинку стула. – Комнату тебе продали будто бы на законных основаниях. Алекс пробил через знакомых. Контора с нормальной репутацией. Существует на рынке недвижимости уже не первый год. То, что договор купли-продажи оформляли на основании генеральной доверенности от хозяйки, тоже законно.

– Так что же тебе не нравится?

– Не нравится не только мне. Не нравится и Алексу.

– И что же, что? – Лера нетерпеливо стукнула ложкой по краю своей тарелки, в которой еще супа была половина не съедена.

– То, что хозяйка этой комнаты куда-то пропала. Я имею в виду, первая хозяйка.

– В каком смысле пропала? Когда? Кто она вообще?

– Она – супруга Орлова Дмитрия. Бывшая супруга.

– А Орлов Дмитрий – это кто?

– Орлов Дмитрий... Это бывший бизнесмен. Бывший хозяин нескольких магазинчиков, торгующих косметикой. Мой Алекс был наслышан о нем.

– Почему все время в прошедшем времени? Был. Бывший. А-а-а! Поняла! Это как раз мой сосед, да? – Лера звонко хлопнула в ладоши. Зло хохотнула. – Это то самое чудище, которое меня изводит? Отсюда и обувь с одеждой в шкафу дорогая. Все из прошлой жизни? Рядом с тряпьем. Он разорился?

– Почти.

– Что значит почти? Ты можешь говорить точнее? Сашка, не темни!

Лера сняла со сковороды крышку, вытряхнула на блюдо семь огромных отбивных. Посыпала сверху зеленью. Поставила чистые тарелки под второе. Положила вилки, ножи.

– Давай ешь. Пока не остыло, – приказала она ворчливо.

– Поговорить не даешь, – пожаловалась Саша, набрасываясь на мясо. Забубнила с набитым ртом: – Орлов не разорился сам. Ему помогли. Просто тупо отжали бизнес. Захватили.

– Кто? Конкуренты?

– Алекс считает, что любовник его жены. Орлова, в смысле. Приглянулся тому его бизнес вместе с женой. Или наоборот... Господи, Лера, как же вкусно! Мясо просто во рту тает. Как это у тебя так получается? Я любой кусок испорчу. В подошву превращу.

– Дальше что? Эта квартира Орловых, так? В договоре фамилия другая фигурирует. Я вспомнила.

– Молодец, – похвалила Саша. – Квартира Орловых. Досталась Дмитрию после смерти деда с бабкой. Он с женой сюда въехал. После развода квартиру поделили.

– Имели право? Если это наследство?

– Ой, не нуди. Не знаю я! И Алекс не знает. Просто слышал, что жена Орлова оттяпала у Дмитрия полквартиры, а заодно и бизнес и... В общем, скверная грязная история.

– Дальше что было? Квартиру поделили. Она свою комнату кому-то продала. Потом этот кто-то продал ее мне и...

– Все так, наверное, и было, – неуверенно произнесла Саша. – Потому что она пропала.

– Кто?

– Жена Орлова. Сразу после того, как стала хозяйкой его бизнеса и половины этой вот квартиры, она куда-то пропала. Об этом даже писали. Много, по словам Алекса. Много писали, и даже было какое-то расследование.

– Об этом тоже писали?

– Да. Нет. Не знаю. – Саша выкатила нижнюю губу, потрясла головой. – Алекс уверяет, что история очень темная. У Орлова отжимают жену, бизнес, полквартиры. Потом жена бесследно исчезает.

– Значит, он отомстил? Он мог ее...

У Валерии вдруг разболелись все зубы разом. Стоило вспомнить, как надрывался за ее спиной грязный, лохматый мужик, так сразу все заболело. Он же мог сделать все что угодно! Он же мог сделать все так, чтобы и она исчезла бесследно тоже. А она, дура ненормальная, дерзила ему!

Как же страшно-то!

– Он ее мог убить, да? Сашка, ты чего молчишь?

– Не мог. – Саша осторожно сложила приборы на пустой тарелке, вытерла рот салфеткой. – Орлов не мог с ней ничего сделать. Потому что сидел на тот момент.

– Где сидел?! – ахнула Лера. – В тюрьме?! О господи! Мой сосед – уголовник?! А я перед ним распиналась. Дура. Угрожала. А он уголовник! Да? Так выходит?

– И да, и нет.

– Как это?

Зубная боль сползла на затылок, охватила плечи, локти. Ей стало трудно дышать. Она сейчас умрет, наверное!

– Твой сосед – уголовник. Но это не тот человек, который мотал тебе нервы все это время.

– Как? Как это не тот? – Лера беспомощно глянула, обернулась на дверь своей комнаты. – А где тот?

– А тот все еще в тюрьме, так сказал мне Алекс. Его посадили, обвинив в каких-то экономических преступлениях. Что-то с налогами. Точно не знаю. Не поняла из сумбурных объяснений Алекса. – Саша похлопала себя по карману толстовки, куда спрятала сигареты. – Все. Мне надо на перекур. А то у меня сейчас мозг взорвется.

И она ушла из комнаты снова в кухню.

Валерия принялась убирать со стола грязную посуду. Потщила все в кухню. Свалила в раковину. Начала мыть.

– Мне сразу не понравилось кое-что, когда я комнату соседа твоего осматривала, – призналась Саша, когда посуда уже была вымыта.

– Что?

– То, что размер одежды, чистой дорогой одежды, – уточнила она, – не совпадает с размером той грязной, что свалена в кучу в отдельном отсеке. Неужели ты не заметила? Ты же видела этого мужика не раз. Он огромный. Размер у него под пятьдесят шестой, не меньше. А костюмы и куртки на вешалках другого размера.

– Может, он поправился?

– Ага! И ростом выше стал? Не дури, Лерка, – фыркнула Саша, глубоко вдыхая открытым ртом прохладный воздух с улицы. – Я позвонила Алексу. Все ему рассказала. Зачитала пункты договора купли-продажи. Он пробил через знакомых твой адрес. И вышел на информацию о семье Орловых. И сразу забеспокоился.

– Почему?

– Да потому что скверно все как-то в этой истории вышло. У Дмитрия Орлова отбивают жену, отжимают бизнес, его самого отправляют в тюрьму, а жена вдруг куда-то исчезает, продав свою комнату. И вдруг эта комната каким-то чудом оказывается твоей. И у тебя в соседях какое-то пугало, которого здесь быть не должно вообще. Эта комната должна быть заперта на

ключ. Хозяин в тюрьме! А твой Игорек мало того что комнату тебе подарил. Так еще и квартиру свою сохранил. Откуда деньги, Лера? Эта комната стоит много больше вашей «двушки». Надо договор твой хорошему юристу показать. Мне там кое-какие пункты не понравились. Но разобраться не могу. Всякая терминология специфическая. Мутно как-то. Не могу.

– Он обманул меня? Снова обманул?

Застарелая обида вернулась. Снова защекотало в носу и захотелось расплакаться. Ну почему ее все всегда обманывают?!

– Не знаю. Все, давай собирайся. Бери с собой договор. Алексу покажем. Он покажет юристу своему. Он у них маститый. И заодно навестим Игорька. Мецената твоего. Зададим парочку вопросов. Но сначала за Алексом заедем. Он жаждет поучаствовать. Ему тоже интересно, что за фигня происходит. А потом...

– А что потом?

– Кто знает, что потом. Может, придется и в полицию идти. Может, придется...

Глава 5

– Алла Викторовна, здравствуйте.

Сосед по лестничной клетке – Иван Митрофанович – низко склонил голову, приподняв с седой головы легкую кепку.

Он всегда так здоровался с ней – уважительно и старомодно. И если на его седых волосах не оказывалось головного убора, он жутко смущался. И ей до трогательных слез его становилось жаль. Такой милый, такой хороший этот дедушка.

– Доброе утро, Иван Митрофанович, – поздоровалась с ним Алла с теплой улыбкой. – Как ваши дела?

– Все хорошо, спасибо, Алла Викторовна. Вот вышел на прогулку. А вы, я смотрю, за почтой спускались?

Дедок кивком указал на корреспонденцию, которую она несколько минут назад вытащила из своего почтового ящика.

– Да, мусор выносила и почту заодно проверила. – Алла помотала в воздухе газетами и журналом.

– Выписываете, стало быть, – одобрил старик. – Сейчас это стало немодно. Все новости в компьютере читают. А я вот, как и вы, тоже выписываю. Великое дело – привычка! Да и есть что-то прекрасное в печатных изданиях. Не так ли?

– Совершенно с вами согласна, – немного приврала Алла.

На самом деле газет она не выписывала, в ящик ей постоянно записывали всякую рекламную чушь, газету бесплатных объявлений и какие-то лекарские брошюры. Журнал – да. Журнал она выписала. И то потому, что обязали на работе. Читать там было нечего.

Но разочаровать старика она бы ни за что не осмелилась. Он стал частью ее новой жизни – размеренной, спокойной, почти счастливой. Она находила невероятное удовольствие для себя, перекидываясь с ним парой-тройкой вежливых фраз по утрам. Ее совсем не напрягало, что приходилось спускаться с четвертого этажа к мусорным контейнерам и почтовому ящику. Потому что в доме не было лифтов. Ее не раздражало то, что до центра надо было добираться полчаса, если без пробок, и часа два, если город стоял. Маленький тесный дворик без автомобильной стоянки ей даже нравился. Старики каждую весну высаживали цветы, ухаживали за подростками кустарниками, оберегали старые липы от вандализма подрастающего поколения.

Ей было здесь уютно! Тихо, спокойно, почти счастливо. И даже крохотная однокомнатная квартирка, на которую едва хватило после спешной продажи предыдущего жилья, казалась хоромами. Она была отдельной!

Тяжелая входная дверь, захлопываясь за ее спиной, отсекала ее от всего внешнего мира. Оберегала от шума и надсадных воплей соседей.

Ой, чего это она! Чего это она снова, а?!

Здесь же не было таких ужасных соседей, здесь никто не вопил, не дрался, не врывался на ее территорию в окровавленных рубашках. Здесь жили в основном старики. Трудолюбивые, спокойные, интеллигентные. Дом прежде был ведомственным. Здесь выделялись квартиры учителям, воспитателям, сотрудникам отдела образования. Многие отсюда так и не съехали. Остались здесь жить после того, как дети выросли и разлетелись. На каникулы взрослые дети свозили к ним внуков. На время отъезда привозили к ним своих домашних питомцев. Алла, прожив полгода со стариками в одном доме, знала почти каждого по имени-отчеству. И ее все узнали. И ее историю узнали тоже. Жалели, пытались помочь советами. По большей части бесполезными.

– Алла Викторовна, я могу спросить?

Старик топтался возле ее двери, мешая ей пройти. Это его ужасно смущало, но как она поняла, это была вынужденная мера. И прощала его заранее.

– Да, конечно, Иван Митрофанович.

Алла сунула под мышку газеты с журналом, вежливо улыбнулась старику.

– Я могу не отвечать людям, которые о вас спрашивают?

– В каком смысле?

Она мгновенно напряглась. Мгновенно! Ей даже показалось, что она побледнела.

– Ну, вот если о вас кто-то меня спросит, я могу не отвечать о вас правды?

Старик жутко мучился, подбирая слова. Он даже вспотел. Алла заметила, как из-под легкой кепки с висков по щекам заскользили капли пота. Миссия, которую он на себя возложил, оказалась ему не по плечу. Но отступить он был не намерен. И она, поначалу немного подосадовав на старика, решила ему помочь.

– Иван Митрофанович, кто-то обо мне спрашивал?

– Да, – обрадованно закивал старик.

– Кто спрашивал? Что именно спрашивал?

– Их было трое, – округлив глаза, ответил старик. И выкинул сразу три артритных пальца вверх. – Две молодые женщины. Даже девушки. И один мужчина. Молодой.

– Как они выглядели?

– Девушка одна симпатичная, высокая, русоволосая. Глазки голубые, напуганные. Вторая скелетра.

– Кто-кто? – переспросила Алла со смешком.

– Противная, вертлявая, волос почти нет. Черная вся какая-то. Курящая! – ужаснулся Иван Митрофанович. – И мужчина. Лет сорок. Приятной внешности. Полноватый. Вежливый.

– Что они хотели?

Алла мысленно перебрала всех своих знакомых, малознакомых и нежелательных знакомых. Не было среди них компании из молодого полного вежливого мужчины и двух девушек с такими приметами.

– Спрашивали вас. Где вас можно найти.

– А вы что?

– Сказал, не знаю. А я и правда не знаю. – И Иван Митрофанович неожиданно подмигнул ей с молодым задором. – А и знал бы, не сказал.

– Что еще спрашивали? – поняла Алла, что это еще не конец истории.

– Спрашивали, как давно вы тут поселились? С кем общаетесь? И нет ли среди знакомых ваших мужчин Игоря... Сейчас, минуточку. – Старик полез в карман теплой стеганой куртки, достал бумажку, развернул. Зачитал: – Лаврова. Игоря Сергеевича Лаврова.

– А вы что?

– А я ничего. Говорю, не слежу за соседями. Особо за их знакомыми мужчинами. И вообще, ничего не знаю. И тогда девушка, та, что была с русой косой, достала свой паспорт и показала мне. Говорит, я купила у вашей соседки комнату в центре. И у меня есть к ней вопросы.

– К комнате? – попыталась пошутить Алла и даже пыталась улыбнуться, но губы одеревенели. Веселья не сложилось.

– К вам вопросы, Алла Викторовна. Мол, к вам вопросы есть. И она тоже была Лаврова. Как и мужчина, о котором они спрашивали. Но ведь... – Старик беспомощно развел руками и с обидой молвил: – Но ведь нет у вас никаких мужчин, дорогая вы наша Алла Викторовна. Вы от них к нам сюда сбежали. Так ведь? На окраину. Из самого центра. Престижного и красивого. Так ведь?

– Так, – нехотя согласилась Алла и шагнула вперед, намереваясь сдвинуть старика от своей двери.

Ей надо было срочно очутиться за своей надежной тяжелой дверью. Срочно следовало забраться с ногами на диван в кухне. И подумать. Хорошо подумать. Прежде чем решаться на общение с незнакомой ей Лавровой.

Она ведь попросила ей позвонить. Срочно! А почему, не уточнила. Если русоволосая девушка разыскивала Аллу по той же самой причине, что и Алла пыталась разыскать предыдущего жильца комнаты на проспекте, это одно. Тут она бы еще согласилась ее выслушать и даже поговорить не отказалась бы.

Но если причина в другом? Если причиной будет начало новых неприятностей для Аллы? Что тогда? Прощай, спокойная размеренная жизнь? Начинать снова оглядываться. Перебегать на другую сторону улицы, если лицо в толпе покажется опасно знакомым. Вздрагивать от каждого шороха, от каждого звонка в дверь и по телефону.

Так, что ли?!

– Это ее номер телефона, Иван Митрофанович? – Алла задумчиво крутила в руках бумажку, с почтением врученную ей стариком.

– Да. Она так сказала.

– Хорошо. Спасибо вам. Я позвоню ей. Непременно позвоню.

Она вставила ключ в замок. Отперла. Распахнула дверь и шагнула в теплую чистенькую прихожую.

– Значит, я все верно сделал, Алла Викторовна? – снова пристал взволнованный сосед. – Вы не сердитесь?

– Не сержусь. – Она все же сумела ему улыбнуться. И через силу произнесла: – Вы все правильно сделали. Спасибо.

Она закрыла дверь, для верности задвинув еще и щеколду. Хотя днем никогда почти этого не делала. Сбросила с ног подъездные тапки. И тяжелой походкой пошла в кухню.

Мягкий бархатный диванчик под образами в правом углу был ее любимым местом. Она сразу решила, что поставит его сюда. Хотя он еле вместился. Пришлось даже избавляться от большого модного холодильника, поменяв его на маленький.

В уголке диванчик. Справа от него широкое окно с широким подоконником, под ним ниша с дверками. Что-то типа маленькой кладовки. По следующей стене занял место дорогой кухонный гарнитур. Маленький, всего на полтора метра, но дорогой и функциональный. Дальше холодильник. И торцом к нему узкий раскладной столик с парой мягких стульев.

Здесь было очень тесно, очень по общепринятым меркам. Но так ей здесь было хорошо. Так хорошо, что, забравшись на диванчик, она могла часами сидеть, уставившись в ноутбук, или книгу читать, или просто слушать, как тикают часы.

В комнате разместился спальный гарнитур. Громоздкий и богатый. Она поначалу пыталась его продать, чтобы поменять на что-то более функциональное. Не вышло. Цены хорошей за спальню никто не давал. А дарить за просто так то, что ей тоже досталось недешево, не хотелось. Вот и занял этот набор дорогой и не очень нужной ей мебели все ее двадцать квадратов. Широченная кровать, целых четыре шкафа, резной туалетный столик, банкетка, пуф, еще пуф, два винтажных стула.

Зачем ей это все? Ей и кровать не с кем было делить, и шкафы были наполовину пустыми.

Алла повертела в руках бумажку с номером телефона, который нацарапал для нее услужливый Иван Митрофанович.

Лаврова... Лаврова...

Кто такая эта Лаврова? Позвонить, нет?

Позвонила.

– Вы спрашивали меня вчера, – пояснила Алла. – Говорили с моим соседом. Вас было трое.

– Да, да, извините меня за беспокойство, пожалуйста. Дело в том, что я покупала у вас комнату на проспекте.

– Не у меня. Вы купили ее у риелторской компании, – поправила Алла. – Они действовали на основании генеральной доверенности, выданной мной.

– Да, да, все так. – Девушка как будто смущалась. – Но вы жили там до меня. В той самой комнате.

– Да, жила, – ответила Алла нехотя после того, как Лаврова назвала ее прежний адрес. – И что?

– Я могу вас спросить, почему вы съехали?

– Что?

Язык чесался нахамить. Какое ей дело вообще, этой дотошной девице?! Купила комнату, обживайся.

– Простите меня бога ради! – заныла Лаврова в трубку. – Просто я столкнулась кое с чем. То есть кое с кем. И теперь не знаю, что делать. У меня возникли некоторые подозрения. То есть не у меня, у моих друзей. Они грамотные умные люди. И во всем этом они увидели некий подвох. И я... И я не знаю, что делать!

– Что делать с чем, уважаемая?

Алла расслабилась, наконец. Она все поняла прекрасно. И даже чуточку, совсем чуточку позлорадствовала. Пусть эта девица вкусит все радости от жилья, которое досталось ей почти даром. Пусть!

– С информацией, – призналась нехотя девушка.

– С чем, с чем?! – Алла снова, как давеча на лестничной клетке, почувствовала, что бледнеет. – С информацией?

– Да. Мне кое-что стало известно. Вернее, много всего. Какие-то несовпадения или, наоборот, совпадения. И я в растерянности. В полицию, может, сходить?

– А сходите! – подначила неожиданно Алла.

Сама она не решилась. Слишком много угроз слышала в свой адрес. От которых отмахивалась до поры до времени. И в которые поверила после двух устроенных ей несчастных случаев, когда чудом осталась в живых.

– Может быть, и схожу. Только мне надо, чтобы и вы со мной.

– Что? – Алла делано рассмеялась. – Девушка, вы меня простите, но вы в своем уме?

– Да. – Она даже не обиделась.

– Тогда почему вы предлагаете мне это?

– Потому что считаю вас одной из пострадавших от нечестной деятельности группы лиц, вступивших в преступный сговор с целью наживы, – протараторила она, как с листа читала. И добавила: – Все, выговорила. Думала, собоюсь.

– И в чем же я, по-вашему, пострадала? – разыграла усмешку Алла. – Тем, что съехала с центра в спальный район? Меня это устраивает.

– Это понятно. Но дело в другом. Понимаете... – Лаврова тяжело вздохнула. – У меня такое ощущение, что мы с вами стали жертвой какого-то комикса.

– Я не с вами. Я сама по себе. И я не жертва. У меня все хорошо.

Алла закатила глаза. Она уже пожалела, что позвонила.

– Вы купили комнату за сколько, простите? Можете не отвечать. Я знаю ее реальную стоимость. Ту, которую за нее заявляют риелторы. А продали за сколько?

– Вы же знаете. Вы же ее купили.

– Да, но комиссионный процент может быть не тем, который вам озвучили. – И Лаврова назвала сумму, от которой у Аллы сбилось дыхание. – Эта сумма значится в моем договоре. Мой бывший муж такую сумму заплатил за комнату, которую я у вас купила.

Ничего себе! Это было даже больше, чем заплатила Алла, покупая элитное жилье. И в три... В три раза больше того, что перечислили ей риелторы, продав ее жилье.

– Вы врете, – выдохнула она с чувством. – Это что, какой-то развод?

– Хватит вам дурочку валять, – обиделась Лаврова. – Какой развод, если я зову вас в полицию?

– Там-то мне что делать?

– Там надо сопоставить наши показания. Все уточнить, призвать к ответу мошенников.

– Так что они намошенничали? Продают квартиру дороже, чем объявляют владельцам?

Это их право.

– Нет. Я не об этом. Я о том, что они специально подселяют к жильцам этого ужасного человека, который делает проживание жильцов невозможным, – плаксивым голосом проговорила Лаврова. – Он сводит всех нас с ума. Он доводит до невозможного состояния. Он провоцирует. И мы не выдерживаем, мы буквально сбегает отсюда, отдав комнату за бесценок. Вот скажите мне, скажите, сколько вы там прожили? Год, два?

– Полгода, – отозвалась ворчливо Алла и заворочалась в удобных бархатных подушках. – Съехала отсюда полгода назад.

– Вот! Полгода, и сбежали. А я всего несколько месяцев и уже готова отсюда съехать. У меня, конечно, другой вариант. За меня платил мой бывший муж, чтобы я ему оставила квартиру. Но что-то подсказывает мне, начини я торговаться, цены за комнату мне не дадут. Это мошенничество, обман! Я слышала о таком.

– О каком?

Алла прикрыла глаза, вспомнив одну из ужасных сцен, произошедших на общей кухне. Когда пожилой сосед мочился в кухонную раковину. Мотивация была до безобразия простой: туалетная комната была занята.

И подобный ужас продолжался до бесконечности. Пока она не сбежала. Трусливо поджав хвост, потеряв в деньгах, сбежала.

– О том, что такие вот комнаты используются с целью наживы. Несложно подсчитать, сколько они наварили за то время, что хозяин сидит в тюрьме. А хозяйка, продав свою комнату, исчезла.

– Что?! Какой хозяин? Какая хозяйка?

У нее перехватило дыхание, и снова накатил тот самый ужас, от которого она сбежала полгода назад. Да! Неспроста же ей казалось, что ее элитное жилье в самом центре таит в себе какую-то страшную тайну. Страшную кровавую тайну.

– Это долгая история. Я сама толком ничего еще не знаю. Просто мне очень нужна ваша поддержка. Уж простите. Если одна пойду в полицию. Они меня... Просто засмеют.

– Почему?

– Потому что сочтут, что я блаженная или просто дура. Сосед, видите ли, меня не устраивает. А никто и не обещал, что я в сказку попала. И...

– Простите, что перебиваю, как вас там?

– Валерия, – тут же подсказала Лаврова, не обидевшись, что ее имя не запомнили.

– Валерия, да. Так вот, вы все время упоминаете о своем соседе. Ужасный человек. Этот ужасный человек и все такое. Как он выглядит?

Валерия тут же описала ей незнакомца. Нет, она точно не знала человека с такими приметами. Тот, что гадил в кухонную раковину, был почти стариком. И был не русским. И жил он в комнате по соседству не один. С ним там проживала жена и четверо их шумных неряшливых племянников.

– Ничего себе! – ахнула Лаврова, выслушав Аллу. – Это что же получается... Они каждый раз подсовывают своим клиентам разных соседей? В зависимости от их типажа?

– Ну почему сразу так, Валерия? – Алла снова недовольно поморщилась, зря она все же позвонила этой эмоциональной гражданке. – Вполне возможно, что жильцы соседней комнаты меняются так же, как и мы.

– Возможно, но маловероятно, – не дослушав, перебила ее Лаврова. – Потому что хозяин комнаты пребывает сейчас в местах не столь отдаленных. И продать комнату никто не может.

– Может, он ее из этих самых мест и продал? – предположила Алла. – Или сдает? Сам или кто-то за него. Какое-то доверенное лицо.

Лаврова помолчала. Потом проговорила:

– Вот поэтому я и хочу вместе с вами сходить в полицию. Чтобы узнать. Все. И про хозяина соседней комнаты. И про жильцов, которые сводят с ума всех нас. Кстати, а вы-то у кого купили комнату? Вас прежний жилец не предостерегал от возможных неприятностей?

– Шутите? Я его в глаза не видела. Так же общалась с представителем агентства. Документы подписывала там же.

– И прежний жилец тоже выдал генеральную доверенность агентству на продажу комнаты?

– Разумеется. Как же иначе.

– Вот! Видите! У них там схема отлажена. Разница от продаж не сотни тысяч, получается. А под миллион! И это за год! А если они уже несколько лет торгуют этой комнатой, а? Они же... Это же просто какой-то преступный синдикат!

– А соседей они откуда набирают?

– Может, это ряженые? Может, актеры? Или на улице подбирают кого-то, платят им за вакханалии. И... Господи, мы так с вами попали! Это так ужасно, правда?

– Ну, да, – вздохнула она, расслабленно откидываясь на диванные подушки.

На самом деле Алле было все равно. Ей было уже полгода все равно, как и что там станет складываться по прежнему ее адресу. Она хотела побыстрее все забыть. Перелистнуть страницу, очнуться от ночного кошмара. Денег да, было жалко. Она потеряла от покупки и продажи комнаты. Прилично потеряла. Просто очень спешила. И была загнана в угол. Поэтому даже не предприняла попытки продать комнату самостоятельно. Ее же предупредили на этот счет! Ей угрожали.

Но Лавровой она ничего рассказывать не станет. Пусть сама выпутывается. Она должна молчать. И в полицию не пойдет ни за что. Ей не на кого жаловаться. Не на кого писать заявление. Она даже не знает тех людей, которые старательно превращали ее жизнь в кошмар. Ни фамилий не знает. Ни имен. Они каждый раз при ней друг друга называли по-разному.

Может, для того, чтобы свести ее с ума?

– В общем, так, Валерия. В полицию я не пойду. Это однозначно. Советую вам продать побыстрее эту комнату, тем более что вы за нее ничего не платили сами. Если я правильно поняла, это были отступные вашего бывшего мужа. И съезжайте оттуда быстрее. Пока не случилось беды. Даже если вы правы, и комната используется для наживы и для развода таких, как мы с вами, вы тут бессильны. Вы ничего не сможете сделать. Возможно, вы правы, называя этих людей группой, вступившей в преступный сговор. И тогда... – Алла покачала головой. – И тогда тем более, съезжайте поскорее. Мы бессильны, понимаете. Это мафия. Преступное сообщество. Кто знает, сколько таких комнат по городу они продают таким, как мы! Может, это у них на потоке. И поверьте, у них документально все чисто. Сами убедились. Предъявить полиции им нечего.

– Может, попытаться через Интернет обратиться ко всем пострадавшим? – предложила дура Лаврова.

И зачем она ей только позвонила!

– Это без меня, Валерия. Это уже без меня. И не смейте упоминать нигде мое имя.

– А то что? – спросила обнаглевшая девица.

– Подам на вас в суд. Прощайте... И никогда, никогда больше не звоните мне и не ищите со мной встречи. Я все сказала!

Глава 6

– Левкин, ты чего там делаешь? – громко крикнула Юля, заворочавшись на скомканных простынях.

Лейтенант в ответ промолчал, а грохот на ее кухне усилился.

– Ёлки-палки! – проворчала Юля. – Вот ведь безрукое создание.

Она встала с кровати, накинула тонкий прозрачный халатик на голое тело. И поежилась от неприятного холодка, скользнувшего по коже. Халатик она купила через интернет-магазин исключительно для того, чтобы в нем встречать Левкина. Больше он ни для каких целей не годился. В нем было холодно, кожа после него неприятно зудела. Синтетическое кружево царапало шею и подмышки. Но...

Но Левкин вчера вечером оценил! И с порога потащил ее в койку. Даже позабыв, что ничего не ел с утра. И пока ехал к ней, все по телефону жаловался и еды просил. И ей пришлось хлопотать с ужином.

А ужинать не пришлось. Они прокувыркались в кровати два часа, а потом сразу уснули. Сейчас – в два часа ночи, он проснулся. Вспомнил, что голоден. И поспешил на запахи, которые до сих пор не выветрились. И, конечно же, не справился с управлением на ее кухне. Уронил либо противень с курицей. Либо салатницу с крышкой, которую она еле впихнула в забитый холодильник.

Салатница... Это была салатница. Она выскользнула из его ослабевших после постельных баталий рук. Грохнулась об пол. Разбилась. Стекло вдребезги. Салат по всей кухне. И голый Левкин теперь сидел посреди майонезной лужи и пытался собрать губкой расплзавшееся в разные стороны кривое с кусочками авокадо.

– Красавец, – протянула, недовольно сморщившись, Юля. – Чего творишь, лейтенант?

– Товарищ капитан, виноват. – Андрей съежил комичную рожицу. – Сейчас все вылижу.

– Ох, что же мне с тобой делать, лейтенант. Придется наказать.

Ловко переступая между майонезными кляксами, Юля добралась до шкафа у окна, вытащила оттуда рулон бумажных полотенец. И принялась отматывать метрами, бросая их на пол. Андрей начал сгребать бумагой салат в кучки, вытирать пол, выбрасывать в мусорное ведро.

– И как завершение, – пропела она, брызгая средством для мытья посуды на пол. – Берем швабру, лейтенант, швабру. И моем, моем начисто. А я пока стол накрою.

Он все вымыл, насухо вытер и вытянулся по стойке «смирно» перед ней.

– Готов доложить, товарищ капитан.

– Иди уже, докладчик, трусы надень. И за стол. – Она шлепнула его по бедру. – Иди.

Он все смел с тарелок. Она лишь удивленно округляла глаза, наблюдая за тем, как насыщается ее любовник. И куда только влезало! Дохлый же, страсть, ребра видно.

– Готов доложить, товарищ капитан, – повторил Левкин с сытой улыбкой. – Ваше приказание выполнено.

– Какое? – не сразу поняла она, оглядела пустые тарелки. – Все съесть, что ли?

– Нет. Провести поквартирный опрос на адресе, где предположительно был убит гражданин Лавров.

– Ох, лейтенант, ты меня с ума сведешь, – рассмеялась она, в упор разглядывая Андрея, сидевшего за ее столом в одних трусах. – Другого времени не будет?

– Никак нет. – Он дотянулся до ее локтя, нежно погладил. – Завтра... То есть уже сегодня мне на дежурство. Информация может представлять интерес.

– А чего же сразу не доложил, когда приехал?

– Сразу! – весело фыркнул Андрей. И дернул за край красивого синтетического кружева. – Против таких доспехов разве устоишь! Мне и сейчас говорить сложно. Мысли путаются.

– Цыц. – Юля погрозила ему пальцем. – Говори, или я уйду переодеваться.

– Так точно, капитан Юленька Артамонова. Есть говорить. – Андрей навалился грудью на стол, скользнул взглядом по глубокому вырезу на ее халатике. – Хотя и сложно сосредоточиться... Ладно, в общем, ты была права, когда насторожилась.

– В смысле? Труп Лаврова был обнаружен?

– Нет. Нет никакого трупа. Ни Лаврова. Ни девушки, которая все время навещала его. Ничего такого. Но... На адрес приезжала бывшая жена Лаврова.

– Та самая Валерия, чье имя слышал старик?

– Да. Она приехала, долго стучала в квартиру к своему бывшему мужу. Ей не открыли. Она уехала. Потом через день или два вернулась снова. И снова пыталась вломиться в свою бывшую квартиру.

– Ей опять не открыли?

– Открыли. На этот раз открыли. И она устроила скандал, со слов теперешних жильцов. Хотя наш общий знакомый Геннадий Степанович уверяет, что скандала никакого не было. Валерия просто пыталась выяснить правду.

– Какого рода?

– Куда подевался ее бывший муж.

– А почему ее это вдруг стало интересовать?

Юля вспомнила своего бывшего и передернулась, как от дикого холода. После того как они расстались, она не только не интересовалась его судьбой, она думать о нем боялась. Вдруг, размышляя о нем, она разбудит какие-нибудь тайные посылы. Они отыщут его воспаленный ревностью мозг, и ее бывший вновь явится выяснять с ней отношения.

Бр-рр! Все, что угодно, но только не это!

– Как она объяснила нашему общему знакомому Геннадию Степановичу, у нее возникли какие-то вопросы к бывшему мужу.

– На предмет?

– На предмет приобретенного им жилья для нее.

– Он купил ей квартиру?

– Нет. Они не смогли разменять общую двухкомнатную квартиру, не было никаких вариантов без доплат. И Лавров купил ей комнату с подселением. Где-то в центре.

– И что же ей не понравилось? Соседи? – Юля догадливо улыбнулась.

– И соседи тоже. И что-то еще. Она уверяла Геннадия Степановича, что квартира, в которой бывший муж купил ей комнату, какая-то нечистая. Криминальная, процитировал ее Геннадий Степанович.

– Криминальная? – насмешливо протянула Юля. – В центре? Что-то сомнительно, не находишь? В центре все жилье под пристальным контролем. Там участковые шустрят. Чтобы никаких притонов, чтобы...

– Та квартира прежде принадлежала какому-то бизнесмену, – перебил ее Андрей. – Бизнесмен сейчас в тюрьме. Его бывшая жена, которая квартиру разменяла с ним еще до его отсидки, куда-то пропала. В квартире меняются жильцы со скоростью света.

– Ух ты! – Юля настороженно затихла. – Адрес той квартиры?

– Она не назвала. Или называла, старик не запомнил.

– Понятно... И что она хотела от своего бывшего мужа? Вернуться назад?

– Нет. Не знаю я. Я же с ней не говорил.

– А надо бы, Андрюша. Надо! Как-то снова все закручивается вокруг этого Лаврова. Куда он исчез? Почему продал свою квартиру? На какие шиши купил комнату в центре? Знаешь, сколько там может стоить комната?

– Нет.

– Поверь мне, гораздо больше, чем его «двушка». Особенно в «сталинке». Смысл в чем? Может, он...

– Что?

– Может, он не покупал ее ни черта. Надо бы узнать, кто оформлял сделку. Вот убей, мне кажется, что без его конторы тут не обошлось. Как, ты сказал, фамилия бизнесмена, которому принадлежала квартира?

– Я не говорил.

– Да? Почему?

– Потому что я не знаю.

Андрей сонно моргнул, глянул на часы. Три пятнадцать. К восьми на дежурство. Поспать бы еще несколько часов, чтобы в голове не звенело.

– Так надо узнать, Андрюша! Надо узнать. – Юля дернула его за руку, чтобы он сосредоточился, чтобы не зевал. – Это какой-то спрут, я спинным мозгом чувствую. Это какая-то сложная хитрая схема. Нам надо ее разгадать. Иначе...

– Иначе?

– Иначе нового назначения мне не видать, как своих ушей, – нехотя призналась она. – Руководство даже не намекнуло, напрямую сказала, что нужно раскрытие какого-нибудь резонансного дела. Нужна шумиха в прессе. С громким разоблачением. Иначе никак... Иначе я без должности. Как найти эту Лаврову?

– А чего ее искать? Я попросил Геннадия Степановича с ней связаться. И попросил ее через него прийти в отдел завтра. То есть уже сегодня.

– И? Он связался?

– Ну да. Она придет. Звонила мне вчера вечером. Мы условились о встрече.

– Ох, лейтенант, ты меня с ума сведешь! – простонала Юля. – Чего же ты с самого главного-то не начал? Чего топтался вокруг да около?

– Интрига, Юленька. Интрига должна быть во всем. Даже в том, как докладывать.

– Красавчик, – рассмеялась она звонко. – Пойду на повышение, заберу к себе. Так и знай. А сейчас марш в койку.

Выходной день на дежурстве выдался относительно спокойным. Андрей даже смог вздремнуть, сидя в кресле и прислонившись головой к стенке шкафа. Просто выпал на двадцать минут, не заметил как. Очнулся от телефонного звонка. Звонила Юля.

– Дрыхнешь, гад? – вкрадчиво поинтересовалась она. – Не отказывайся. Знаю, что дрыхнешь. Со стула не свалился?

– Нет. Зафиксировался удачно. – Он улыбнулся, потянулся с хрустом, мечтательно протянул: – Сейчас бы кофе с пончиками. Большую порцию кофе и сразу три пончика. Мечта!

Дверь в кабинет с грохотом отлетела в сторону.

– Па-ба-ба-па! – пропела она, слегка фальшивя. – А вот и я. И все, как заказывали.

И правда, кофе. Два больших бумажных стакана. И промасленный бумажный пакет.

– Пончики? – нацелил на пакет оба указательных пальца лейтенант. – Я угадал?

– Пончики. Пончики. – Она подошла к его столу, поставила стаканы, швырнула ему в руки промасленный пакет. – С джемом и вареной сгущенкой. Не помню, честно, какие ты любишь.

– Всякие. Я люблю всякие, Юля. Но еще больше я люблю тебя, мой капитан, – произнес он на полном серьезе. И даже сам испугался. – Вот ведь! Сказал и понял.

– Что понял? – Она напряженно улыбнулась.

– Что люблю, наверное.

Она промолчала и отошла к соседнему столу. Разговоров о чувствах она избегала с ним с первой минуты тесного общения. Как только их отношения перешли в другую плоскость, так она сразу дала себе зарок: не влюбляться. И его не провоцировала на это. А он ляпнул, и себя, и ее испугал.

– Я тебе! – погрозила она ему шутливо пальцем. И щепотью провела по губам. – Никаких любовей, лейтенант. Только дело. Итак, где твоя Лаврова?

– Она не моя, Юль, чего ты?

Он, кажется, обиделся, что она его слова не восприняла всерьез. А он не шутил, между прочим. Он к ней в самом деле привязался. И разница в возрасте не смущала нисколько. И с радостью переехал бы к ней, позови она.

Не звала.

– Так, где Лаврова? – жестким голосом повторила Юля, усаживаясь за соседний стол.

Андрей глянул на часы. До назначенного времени оставалось минут сорок.

– Если она не передумала, конечно.

– А с чего это ей передумывать? – дернула Юля плечами, наблюдая за тем, как ее избранник обсыпает темный джемпер сахарной пудрой с пончиков.

– Ну, может, бывший ее супруг объявился и все разъяснил. Ответил на вопросы, которые у нее возникли.

– Может быть. Может, объявился, а может, и нет. – Она брезгливо поморщилась. – Отряхнись, Андрюша, что ты как поросенок?

– Вкусно же, Юль.

Он громко хлебнул кофе, блаженно зажмурился. А она, передернувшись, тут же подумала, что никогда, ни при каких обстоятельствах не позволит себе впустить его в свой дом на пожизненное. Как любовник, да, он хорош. Дело, опять же, они общее делают. Но чтобы жить с ним под одной крышей...

Нет, ни за что, никогда.

Лаврова вошла в кабинет минута в минуту. Юля мысленно поставила ей в графе «Пунктуальность» плюсики. Прошлась взглядом по внешнему виду. И снова осталась довольна. Лицо симпатичное, гладкое, без лишней косметики. Взгляд хороший, чистый. В этом она смыслила, как никто другой. Волосы заплетены в рыхлую косу. Одета сдержанно, но не пуритански. Платье из плотной ткани хорошего синего оттенка, серый плащ, полуботинки на низком каблуке из темно-серой замши, темно-серая замшевая сумка. Не очень богато, но и не нищенски.

В средствах не особо нуждается, сделала вывод Юля, оглядев вошедшую Лаврову. Не шикует, конечно, но и не нуждается. Предложила ей кофе. Та отказалась.

– Я его уже три ведра за это время выпила, наверное, – пожаловалась она, усаживаясь напротив Юли.

На Андрея она почему-то едва взглянула. Хотя и договаривалась о встрече именно с ним.

– Вас что-то беспокоит, как мы поняли из рассказа вашего соседа Геннадия Степановича, – начала Юля.

– Бывшего соседа, к сожалению, – поправила ее Лаврова вежливо. – Хороший дядечка. Вежливый.

– Не выдумщик, нет? – подал голос со своего места Андрей.

Он старательно вытирал руки влажной салфеткой, отряхивался. И немного дулся на Юлю, что она перехватила инициативу с Лавровой. Он же с ней договаривался о встрече.

– Нет. Не замечала. А почему выдумщик? – Лаврова наконец-то повернулась в его сторону.

– Да выдумал тут историю...

– Которая никакого отношения к вашему делу не имеет, – перебила его Юля и злобно покосилась в его сторону. – Итак, что вас беспокоит? Я так поняла, что там какая-то нехорошая история вышла с вашим жильем?

– Да. Понимаете... – Валерия плавным движением заправила за ушки выпавшие из косы прядки. – Все началось с нашего развода. Вернее, с обмана. Игорь обманывал меня. Долго, регулярно. Я поздно об этом узнала. Не смогла предотвратить. И развелась с ним.

Юля мысленно закатила глаза. Зачем им эта душещипательная история? История, повторяющаяся практически в каждой семье. Врал долго. Узнала поздно. А если бы узнала рано, что тогда? Простила бы? А дальше? Стала бы подозревать, следить, не верить? То еще удовольствие! Она-то знает. Она через это прошла. С той лишь разницей, что ее бывший мало того что врал. Так еще из-за собственного вранья свихнулся настолько, что подозревал всех вокруг. В том числе и ее.

Бр-рр, лучше не вспоминать. Лучше о нем не думать. А то вдруг, тьфу-тьфу-тьфу, объявится!

– В общем, остро встал вопрос размена квартиры. Вариантов не было вовсе. Или были, но на таких кабальных условиях, что согласиться не могли ни он, ни я. Риелторы приходили, уходили. Смотрели, предлагали, разводили руками. Жить под одной крышей становилось невозможно. И тут подвернулся этот вариант. – Валерия тяжело вздохнула, улыбнулась им по очереди жалкой беспомощной улыбкой. – Я, дура, подумала тогда, что мне невероятно повезло. Комната – огромная, с высоким потолком, в самом центре. Кухня большая, санузел. Все в нормальном состоянии. Я сделала ремонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.